

Слово о полку Игоревъ
Игоря сына Святъславля
внуча Ольгова.

Нельпо ли ны бѣшетъ братіе, нахати,
старыи словеси трудныхъ повѣстѣи
о полку Игоревѣ, Игоря Святъславля?
Нахатидесятъ пѣсни по былинамъ
сего времени, а не по замышленію бо-
люю. Болнѣ бо въщій, аще помѣ ло-
тяше пѣснь творити, то расте-
кашется мыслію по древу, сгързми
волкомъ по земли, шизми орломъ
по дв облаки. Понмашеть бо рѣчь
первыхъ времени зобичь. Тогда
пѣщашеть 10^{ти} сополовъ на стадо
лебедей. Который дотегаше та
преди пѣснь поше, старомъ Яро-
славѣ, храбромъ Мстиславѣ, ире-
зарѣза Редю предъ полки Косо-
слики, красномъ Романомъ Святъ-
славляго. Болнѣ же братіе не 10^{ти}
сополовъ на стадо лебедей пѣщаше,
нѣ спое въщія прѣсты на ризахъ
стрѣны въсхадаше; ониде сами
Князема славо рикоташа. Пон-
мемъ же братіе повѣсть сію отъ
старого Владисера до нынѣшняго
Игоря. Иае иступомъ зми крѣпостѣи
своею, и поостри сердца своею

воз'зръ

мужествомъ, наполнился ратнаго духа,
напередъ своя храбрость полны на земли
Половецкую за земли Русскую. Тогда
Игорь взръ на свѣтлое солнце, и видѣ
отъ него тьмота вся своя воя приурити,
и рече Игорь изъ дружинъ своихъ: братіе
и дружино! Лѣченъ бы потяты быти,
неже половецъ бити: а всеядемъ братіе

борзья

Копна стонъ борзья комоки, да позривъ
симого Зоню. Спала Князь змъ по-
хоти, и жалосты емъ знаменіе за-
стѣгки и мѣхити Зоню великаго.
Хощу бо, рече, копіе приломити концы
поля Половецкого съ вами Русци,
Хощу славу свою приломити, а
любю испити Шеломомъ Зоню
О боемъ софлѣію старого времени!
абы ты сіа полны щеноталь, слава
славію помысленъ друиу, летая змъ
подъ облаки, сивая слава обѣпаль
сего времени, рѣща въ тропу Тро-
ляго гресъ поля на горы. Путьи
было племъ Игорци, того (Ольга)
вкзлѣ. Небѣра сономъ занесе гресъ
поля широкая; Талицы стацы
объжати къ Зоню великому; или
всеплѣти было оуцѣй боемъ вѣге-
совъ оуце: комоки ржеть за су-
логъ; зѣкитѣ слава въ Киевъ;
Трзѣби трзѣлѣ въ Нотъ-градъ;

стоять стаямъ въ Пятивалѣ; Игорь ждѣлъ
милу брата Всеволода. И рече ему
бѣи Пѣръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ
спать спятый ти Игорь, оба есми
Святославича; сяди брате свои
бѣрзи помони, а мок ти готови
осядани зъ Курьса наперед; а мок
ти Курьси сядоми не мети, подь
тѣрбамъ пожити, подь шеломи възт-
ляни, конецъ попя възирьмемъ,
путь или вѣдомъ, ярчи или зна-
емъ, луци у нихъ наярдемъ, тамъ
отдоремъ, сабли изостремъ, сами
сиагнемъ или стѣри волци възполт,
ищети себя чти, а князю славу.
Тогда вступи Игорь князь възлѣ
страшенъ, и погна по чистому полт.
Солнце ему тмою гуть застѣпаше;
ночь стонущи ему грозотъ птени,
збѣди; зисъ неметъ врѣхъ древа,
великъ послушатни земли незнаемъ,
Вязь; и по морю, и по Салѣ, и Соромѣ,
и Корсанѣ, и псебѣ Тьмоторосан-
ский бѣвама; а Полощи негото-
вами дорогами побѣгоша къ Зомѣ
великому; кригати тѣлгомъ полз-
нощи; тѣмъ лебеди распощемъ.
Игорь къ Зомѣ вои ведеть: уже бѣ
бѣди его пасеть птени; подобитъ
волци грозотъ възрожатъ по яргамъ;

Орли клептома на кости зоври зовуть;
лисицы брешут на чрестья щиты.
О Русая земле! Уже за Шоломанем
си долю: ноги мразикеть, зоря свѣтъ
запала, мила поля поприла, щелотъ
славій тепе, шпоръ Талинъ зови. Ру-
сик великая поля чрестьями щиты
природниша, ищукъ себѣ чти, а
Князъ слави; с'заранія въ мавъ по-
топташа поганиа полни Поло-
вцины; и расеушася стругами по
полю, полмаша красныя двоицы Поло-
вцины, а съ ними злато, и паво-
лонки, и драгыя оксамиты; орви-
мами, и лгоненцами, и кожухы на-
гаша мосты мостити по бѣлотовъ
и чрестьями мѣстома, и всякими зо-
роги Половциными. Чрестья стая,
бѣла хорюсошь, чрестья чолна, серебряно
струги, храброму Святъславилу. Дре-
млетъ въ полъ. Олопо хороброе гнѣздо
далеке залетѣло; не было на обидѣ
порождеко ни сокола, ни крелета, ни
тебѣ черной ворона, поганий Поло-
вине. Трапъ бѣжитъ с'рими вол-
нама; Кончанъ ему свѣдъ править
къ Зону великому. Другаго дни велик
рако крошавы зори свѣтъ пошпиди;
Черниа тогда съ моря идуть, хотятъ
прикрыти Ч солнца: а въ нихъ трепещу-

Синіи молнии, бітки грому великому,
иптпти дойдіть стрѣлами съ Зонѣ вели-
кого: тѣ ся попіомъ приламати,
тѣ ся саблѣмъ потрухати о шоломи
Полощениа, на рѣцѣ на Каляль, у
Зонѣ великого. О Руская земле! чѣе
не шоломань еси. О вѣтри, Стри-
бѣжи вѣтри, вѣтѣть съ моря стрѣлами
на храбрія полки Игорѣши! земля
тѣтнѣтъ; рѣчки мѣтно тѣнѣтъ;
пороси поля приурѣшалоу; стѣзи
глаголютъ; Полощци коуѣть отъ
Зона, и отъ моря, и отъ вѣсѣхъ странѣ..
Руская полки отстѣпиша. Стѣпи
Бѣсови кличомъ поля прелотѣдиша,
а храбріи Русци прѣградиша ерѣм-
ными щиты. Яръ тѣре Всѣполоде!
стоиши на борони, прыщѣши на вѣк
стрѣлами, ерѣмѣши о шоломи мах
дѣралурѣнныи. Камо тѣрь поско-
гаше, стоиша златныи шоломѣ
посѣвѣнѣа, тамо лѣдѣть пога-
ныа голоши Полощениа; послѣпани
саблѣми паленыи шоломи оварѣ-
сныа отъ тебе яръ тѣре Всѣполоде.
Каа рани дорога братіе, забивѣ-
ти и рѣшотѣа, и града Чернилоѣа,
отня злата стола, и стѣзи мѣнѣ
хоти красныа Губовни сонѣа

и обила? Тѣмъ вѣки Трояни, минхя
лпта Ярославля; бѣли Полци Огеови
Ола Святъславлиа. Той об Ола
милемъ крамола кошае, и стрели по
вѣмъ спаше. Ступаетъ въ златъ,
стремень въ градъ Тматоронантъ.
Той же здонъ слыша давний великий
Ярославъ сынъ Всеволода: а владимиръ
по вся зтра уши закладаше въ Верни-
чозь; Борисаже Всеславлиа слава
на сродъ пришеде, и на какикъ земли па-
поломъ постла, заобидѣ Олошъ храбра
и млада князъ. Съ тогда Кавли
Святуполнъ пошехъ отца своего мѣ-
ру Угорьскими инокходцы по шатъи
Софрѣ къ Кизѣ. Тогда при Олзѣ
Ториславлиа спашетъ и растяишь
усобицами; пошибашетъ суднѣ
Божя вкуня, въ княжихъ крамолахъ
вѣци словѣномъ скратиша. Тогда
по Руской земли рѣтно ратасеть
кисахть, на чаето враги врахть,
трѣтиса себѣ дѣхле; а Талици свою
рѣчь сопоряхть, хотятъ полѣти
на рѣде. Той было въ тѣ рати, и
въ тѣ полни; а сице и рати не слы-
шано, озараніа до вечера, съ вечера
до салта лететь стрельы паленіа;
Зримлютъ саби о шломы: трѣщѣтъ

2

3

4

Копіа хоралужныя : въ полъ накаливъ
среди земли Половецкыи, гора земля
подъ копыты постыми была постыла,
а црощіт поляка. Мухотъ въздоша
по Руской земли. Это ли шлхитъ,
это ли звенитъ даша рано предъ
зорями? Игорь полны засторогасть;
жалъ объ снз мила брата Всеволода.
Бишася день, бишася друиы : трѣль-
мо дни изъ полуднию пароша стлхк
Игоревы. Муха брата разлхитла
на брегъ бѣстрой Каямы. Мухъ кро-
ваваго вина недоста; мухъ пиръ до-
конлаша храбрѣи Рускии : сваты
попоиша, а сами полесоша за землю
Рускую. Ничитъ трада далощаши,
а древо стогою къ земли пришло-
лось. Уже объ братіе невеселая година
встала, уже пустыми силъ приурига;
встала обѣда въ силахъ Дажь-Богда
вкзна. Вступилъ дѣлою на землю
Строяню, всплеснала лѣбѣиши
крыли на синемъ морѣ у Локъ пле-
щщи, убогонъ жирна времена, ус-
бица княземъ на поганыхъ пошибѣ.
Реноста объ братѣ брату : се мое, а
то моеде; и нагаша князк про
малое, се великое, молхити, а
сами на себѣ крамола козати:

а поганіи съ вѣсѣхъ странъ приходяха съ
побѣдами на земли Рускіи. О дами
зайде соколъ, птица бѣ къ мортѣ: а
Игорша храброго полнѣ неиресити.
За ними кличѣ Карнаижа поспом
по Руской земли смача людемъ мнѣмъ
въ пламяхъ ротѣ. Жени рускіи въпла
кашась аріици: зде наша спонхъ
мимиха ладъ ни мислѣно смислѣти,
ни думою съматти, ни оумна съмъ
датти, а злата и сребра ни мало того
потрепатти. А вѣстома бѣ братіи
Кіевъ тучотъ, а Черниговъ напастьми:
тосна разліяся по Руской земли;
пѣкамъ жирна умере средѣ земли Рус
нѣи; а князи сами на себѣ крамовѣ
копаху; а поганіи сами побѣдами
нарищущѣ на Рускую землю, смляху
данъ по вѣль отъ двора. Мѣи бѣ
дѣа храбрая Вячеславлиа, Игорь
и вѣполодѣ уже лжѣ збѣди, которю
то бѣше згилъ отецъ ихъ Вячесла
вѣ ерозный великий Кіевскій.
Грозю бѣшетѣ; притрепеталъ
спонки сильными полнѣи и кара
мѣннѣи мѣи; настѣпи на земли
Половецкую; припотѣа хлѣми и
лрѣи; вѣмѣтѣ рѣки и озери; ис
стѣши потоки и бѣлота; а поганого
Кобѣла изъ лѣтѣ моря отъ Руской
великихъ полковѣ Половецкѣи;

яно вихрь выторже : и падесе Кобыля
въ градъ Кіевъ въ ерионицѣ Святъславѣ.
Тѣмъ Нѣмци и Венедици, тѣмъ Греци и Мо-
рава поютъ славу Святъславѣ, набого
князя Игоря, иже поурати сѣмѣ воднѣ
Каямъ рѣки Полощениа, Рената злата
насыпаша. Тѣмъ Игоря князь выведе
нѣ съдла злата, а въ сѣдло Кошчьево;
Унѣша бо градомъ забрала, а веселіе
пониме. А Святъславъ мутень со
виде : въ Кіевѣ на горахъ си нощь,
съ вечера одѣхаете мѣ, рече, зерною
паполомою, на кровати тисовѣ.
Срогахуть мѣ синее вино съ трюдо-
слѣшено; сыпахутьъ мѣ тѣщи мѣ
тѣмъ поганьскѣ тѣмъновикѣ великий
женихъ на лоно, и кѣвѣютъ мѣ;
Ужедъ си безъ кнѣса въ мѣмѣ те-
рель элатоврьсемъ. Всю нощь съ-
векера бо-сѣви, врани възралахъ. У
Нѣмьнска на болони, боша дѣвръ
кисант, и не сошлѣтъ нѣ синелѣт морѣ.
У рѣноша боере Князѣ : уже Князе
тѣмъ злѣ полонила; се бо два со-
нола слѣтѣста съ отня стола зла-
та, покснати града Тѣмъторо-
каня, а мѣ бо испити щеломомъ
Зонѣ. Злѣ сонолома крилица при-
нѣшала поганьскѣ сабляки, а само-
во опухаша въ пѣтѣнѣ дѣлѣнѣ.

Темно бо бы въ дѣхъ: два Солнца по-
мерности, оба баарная стлѣпа пога-
соста, и съвннмъ молодая мѣсяца, Олег
и Святъслава тмою съ пополокоста.
Наутцѣ на Калѣтъ тма свѣтъ покрма
По рѣной земли прострошася Полов-
ци, аки пардѣтъ чкѣздо, и въ мортъ
поурткоста, и великое бѣиство подаѣ
Хинови. Уже снесся хла на хвалу;
уже тресну нѣгда на валѣ; уже враще
Зиѣ на землю. Се бо Тотиснмъ красны
дѣвы вспѣша на брѣвѣ синемъ мортъ,
эпома рѣсннмъ златомъ: поютъ врем.
Бусово, летѣтъ летѣ Шароканѣ.
А мы уже орудна радни веселѣа.
Тогда великий Святъславъ и зрочи злато
слово слезамъ слышено, и рече: О мой
сынохъа мортъ, и всепоуде! рано бѣа
начала Половецкую землю мѣи цѣль-
мити, а себѣ слави испати. Не ке-
сестно оролѣете: не кестно бо крове
погакутъ пролокте. Ваю храбрая
арѣца въ дѣстоцѣмъ Харалѣтъ снована
а въ бѣсти закалаѣа. Сѣлк стѣори-
сте мой сребренѣй сѣдннѣ? А зѣ
кешнждѣ власти сильнаго, и богатого
и много вои брата моего Ярослава
ов Корниговскнми бѣлѣми, ов Моуѣтъ
и ов Матранѣи, и ов Шелѣбнри, и ов
Моткани, и ов Рѣани, и ов Олѣбнри.
Мнѣ бо безщитовѣ съ заса поуркннѣ

5

Клиномъ полны побѣдъ дѣла, звонили
въ прадѣдную славу. На релюстѣ мудра
имѣся сами преднюю славу сами по-
хитили, а заднюю се сами подвѣили.
А чи дило се братіе стару помолодѣти?
Колѣ сокола въ мытѣхъ вѣщаетъ, високо
птица възвѣщаетъ; не дастъ егда стого
въ обидѣ. Не се зло княре ли не пособіе;
каниге се ходниги обратниша. Селзри
дроматъ подъ сабѣли Половецкими,
а Вагодимиръ подъ ранами. Тма и
тосна сынъ Глѣбовъ. Великий княре
всестолоде! немысливъ ти прелетѣти из-
далека, отня злата стола подлюди.
Ты бо морещи волю всемо распробити,
а дроздъ шеломи выхляти. А се бы
ты бѣла, то бѣла бы чага по ногатѣ,
а Кошчей по резатѣ. Ты бо морещи
по сяхъ шереширѣ стреляти. Здани-
ли сынъ Глѣбовъ. Ты бѣи Рорше
и Давиде, не ваю ли злагеными шело-
ми по крови плаваша? Не ваю ли
храбрая Дружина ринають аки тары,
ранени сабѣли палеными, на поят не-
знаемъ? Встѣти та ема въ злата дре-
мекъ за обидѣ сего времени, зане змилъ
рхеню, за рани Игоревн бѣго Святъславни!
Талины Осмомысле Ярославѣ! високо
свѣдиши на своемъ златокованкель шлѣт.
Подурѣтъ горы Корьскни своимъ дѣлѣтнни
полки, застѣтнѣ Королевн пѣтѣ, затво-
ривъ.

6

7

Знаю ворота, меча времени чрез обгагы, бди
ряда до бина: Трои твоя по земляма
тепте; отпорешки Киевъ ората; стрелл-
ешки сь отня злата стола Салтани за км-
ляки. Стреллѣ господнике Кемала, поаного
Кощея за змилт рускую, за раны Игоревн
бжео Святъславика. А ти бѣи Рощани
и Мстиславе! Храбрая мислѣ носитѣ
ваивъ хмѣ на дѣло. Высоко плаваши на
дѣло въ бѣстѣ, ано сокола на вътѣрѣха
ширляся, хотя птицу въбѣтѣвъ оролѣти.
Сотѣ бо у ват желѣзник папорти по дѣ шло-
ми Латинскими. Тѣми треснѣ земля
и мнози страки Хенова, Литва, Яголезн,
Деремела; и Половци схици сталъ поврѣсо-
ша, а глази сполъ поплониша по дѣ тѣти
ми харалѣзныи. На зѣе князе Игорю,
утрѣтъ Солнцу свѣтъ, а древо небогоамѣ
миствѣе сроки: по Руси, по Схи гради
подгнѣша; а Игорѣша храбраго полку
некресити. Зовѣ ти князе имкѣтъ,
и зоветѣ князи на побѣду. Олговичи
храбрии князи достигли на бранѣ. Ин-
вѣсарѣ и всепоходѣ, и вси три Мстисла-
вими, не худѣ смѣзда шестокрыльци,
не побѣдныи дребѣи со вѣ власти рас-
хитиства, но вѣши златѣи шиломи
и схицеи лѣцики и щитѣи. Засоробѣте
полѣ ворота стоили острыи стрѣла-
ми за земляма рускую, за раны Игоревн
бжео Святъславика. Требо Сѣла не
тѣсетѣ сребренѣи стрѣлами по граду
Переяславлѣ, и Зѣина болотомѣ тѣетѣ

Онъше грозныи Полоцкыи поганыи поганыхъ : Единъ же Израйль сынъ Висель-
копъ позноки стонки острыи мек ошеломъ
 Литовыи; притрена слава ^{дѣду} стоему
 всеславу, а самъ погъ ^{црѣдѣ} црѣдѣ
 щитыи накрошавъ травъ притренивъ
 Литовыи мек . И слоти г на кро-
 вать, и реи: Ерзину твоею княре
 птице крили пріодъ, а зери кровъ
 помзаша . Небѣ тѣ брата Бряслава,
 ни друга всеполода; Единъ ре ирони Ем-
сунъ ^{дѣду} дѣду изъ арабра тѣла, ерезъ дѣду
одереме . Уныи олоди, покие весели .
Трѣби трѣвѣ Тороденскіи : Ярославе,
 и вси внѣ всестави ! эме покии
стязи свои, вонѣ стѣ ли верени;
ѣ бо висногисте изъ дрѣвѣ славѣ : ви
бо стѣ крани нагасте наводѣ
погани на землю Евнѣ, на жизнь
всестави . Которое бо бѣше наслѣдѣ
земли Полоцкыи на сидѣ вѣцѣ
дѣли . Врѣже всеставѣ дрѣвѣ одѣ
себѣ любѣ . Тѣ пѣ подпрѣ
о пѣ, и стѣ тѣ градѣ Киевѣ, и дѣ
сѣ стрѣ злата стѣ Киевѣ—
сѣ . Сноги отны лотыи зверѣ
въ полноги, изъ бѣла-града, обѣ се
мѣ, отрѣ важни кѣ отвори
врата Киевѣ . Разшиѣ славѣ Яро-
славѣ : сноги волнѣ до Киевѣ сѣ
токѣ . На Киевѣ сноги стѣ слово,

малотыте сени халурншии, на тоцѣ животѣ кладѣ
впюте душѣ отъ тѣла; Немилъ кровави брѣзѣ не
бологомъ бѣхотѣ поплани, поплани постели рѣ
нихъ сыновѣ. Всеславъ князѣ людемъ сѣдлаше,
Княземъ гради радлаше, а самъ въ нощѣ волномъ
распаше; на Киевѣ дориспаше до Куря, Ли
торошамъ; Великомъ Хрѣсови волномъ путь
прериспаше. Момъ въ Палотисѣтѣ позвони
ша Заутреннюю рано у Святѣи Софренъ въше
лономъ: а оны въ Киевѣ этомъ слыша. Ли
и вѣща Душа вѣрзѣ тѣль на гашѣ бѣди
страдаше. Тамъ вѣщѣи боянь и першѣс
пригльвѣи смышленѣи рѣе: ни хитрѣ, ни
гораздѣ, ни птицю гораздѣ, судѣ Божѣи немил
нѣти. О! стонати рѣснои земли, помятѣв
ше першѣю годнѣ, и першѣмъ князѣмъ. Момъ
старою Владимѣра немъ бѣтѣ привозитѣ
ни горамъ Киевскимъ: Все бо нѣмъ стаща
стязѣ Туркинови а друзѣи Гаидови. На розѣ
носе или хоботѣ пашѣтѣ, Копѣи поютѣ на
Знамѣ. Ярославна гласъ слышитѣ: Звѣз
цую незнаемъ, рано нѣтѣтѣ: полемю, рѣе,
Звѣзницѣ по Знаемѣ; омомъ бѣбранъ рѣнавѣ
въ Кавалѣ рѣцѣ; Зтрѣ князю кровави со
рани на рѣтѣцѣтѣ сво тѣль. Ярославна
рано плачетѣ въ Птицѣлѣ на забралѣ, а рѣи
о вѣтрѣ, вѣтрило! Чемъ ѣмѣ нашивко
вѣши? Чемъ лишиши Хитовиши стѣдѣи
на своетѣ не труднѣю прицѣю на моя ладѣ
вѣи? мало ли тѣ бѣшетѣ горѣ по рѣ обланѣ
вѣяти, мѣлѣи корабѣи на сѣмѣ морѣ!
Чѣмъ господни мое всѣмѣ по копылю ра
вѣи? Ярославна рано плачетѣ Птицѣлѣ

9

городъ на забралахъ арники : о дне преставитица ?
ты пробилъ еси наемныхъ горъ снѣговъ земли
Половецкую . Ты дѣлалъ еси на себѣ Святосла-
ви носачи до пани Кобяноша : вземайъ востро-
днне мою ладню мнѣ , а бѣла неслала изъ келю
слезъ на моря рано . Ярославна на морѣ плачѣвъ
изъ Пятивалъ на забралахъ арники : Святосло и три
святосло Солнце ! вѣшь тепло и краско еси : тебѣ
ѣще простре горною свѣтъ лѣтъ на ладѣ сон ?
въ поле безводны радуетъ или лѣтъ вътерде ,
тѣлою или тѣмъ затле . Турки море полн-
нощи ; идѣтъ сморцы мѣлами ; Игоревъ князь
бѣла нѣтъ надежа изъ земли Половецкой на
землю Рускую , изъ отню эгата стола . Пола-
соша всерѣ зарн : Игорь снѣтъ , Игорь бѣтъ ,
Игорь мѣлѣтъ поля лѣтъ отъ великого
Зонъ до малого Зонца . Кашонъ въ полночи
Солнцѣ свиснѣ зарѣною ; вѣшь ехнѣтъ раз-
мѣтъ . Кнѣтъ Игорю нѣтъ : клинѣтъ стѣтъ
земля ; вѣшь трава . Вѣшь се Половецкѣ
подниваха ; а Игорь князь поспани турбода-
ви изъ тростѣтъ , и бѣлъ въ голѣтъ на вѣтъ ;
въ верде на борѣ помонъ , и спонъ съ него бѣтъ
волноль , и потѣтъ изъ лѣтъ Зонца , и полѣтъ
сополѣтъ по въ мѣлами избивая еси и лѣтъ ,
завтракъ и обѣтъ и зѣтъ . Какъ Игорь сопѣтъ
полѣтъ , тогда Игорь волноль потѣтъ , турбода
собѣ стѣтъ роу ; прѣтъ въ себѣ
бѣтъ помонъ . Зонѣтъ роу : Кнѣтъ Игорь !
нѣтъ ты великѣ , а Кнѣтъ нѣтъ , а
Руской земли великѣ . Игорь роу , о Зонѣ !
нѣтъ ты великѣ , мѣтъ Кнѣтъ на
волнахъ , стѣтъ ему зѣтъ травѣ на вѣтъ
сѣтъ бѣтъ , оѣтъ ео тѣтъ

мешали под стѣною зелено древо; стрѣлаше с него
лещи на воду, гайцами на стрѣла, грандѣми
на вѣтрьях. Не тако ли, рече, рѣка Ствѣна
худо стирго шивя, подрѣши срам рѣки, и
стрѣлы простре на кѣстѣ? Оношо князю Ро-
стиславѣ затвори Ингвирѣ тѣмня берѣт.
Неалитя мати Вѣтмаша по Оношк князи
Ростиславѣ. Иньша цвѣти дубовою, и древо
стогою из земли преломило, а несорони
втросташа. Калѣду Игоревѣ гзрнѣтъ
Тзавѣ съ Комканомѣ. Тогда орани негра-
хутѣ, Талмци полмолюша, серони не тро-
ситаша, по лозно ползаша талко, Гатловѣ
тѣмномѣ готѣ къ рѣцѣ парѣта, соловии весели
ли тѣмьми свѣтъ повздаютѣ. Молвитѣ
Тзавѣ Комканови: аде соколѣ из гнѣду летѣи,
соловиия рострѣх-евѣ своимѣ злагемѣми
стрѣлами. Рече Комканѣ то Тзѣ: аде со-
колѣ къ гнѣду летѣи, а въ соколца опута-
евѣ красною звѣнцѣтѣ. И рече Тзавѣ къ Ком-
канови: аще ево отѣта еѣт красною зѣвицѣтѣ
ни нама обдетѣ соколца, ни нима красны
зѣвице, то погнѣтъ на ю тѣмьми бити
въ полѣ Полощукѣмѣ. Рече Тзавѣ, и ходи
на Святславѣ тѣмьнотворцѣ старого вре-
мени Ярославѣ Ольговѣ хдѣанѣ хоти.
Тадно ти голови пролѣтѣтѣ, ао ти гнѣду пролѣтѣ
Талави рѣсною земли вѣтѣ моря. Сѣмѣ сѣлѣтѣ на
недѣсе, Игорь князь въ рѣсною земли. Дѣвици гдѣль
на Зонаи. Виотѣ голови среѣ море до Кіева, Игорь
пдетѣ гдѣ Борисѣмѣ къ сѣтѣмѣ Богородици, ни-
ролощѣи странѣ рѣди. Гради весели, гдѣше
тѣмьнѣ старымѣ княземѣ, а потомѣ малорѣмѣ

гъти слава Игорю Святославичю
бѣи тѣмъ всеволоде Владимирову Игор-
вичю, братаи князи и дружина, по-
бараа за христиани, на поганыхъ пол-
ки князю слава, а дружина алишнѣ.